

УДК 94(575.2)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У КЫРГЫЗОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.А. Асанканов

Статья посвящена вопросам социальных отношений у кыргызов в конце XIX – начале XX вв. К этому времени кыргызы – это этнос, занимающийся кочевым и полукочевым хозяйством, частично – земледелием. К моменту присоединения к Российской империи в кыргызском обществе господствовало патриархально-феодальное отношение, имеющее свою социальную структуру. Общество состояло из нескольких иерархических ступеней, которые строго регулировались обычным правом – адат. Описываются уровни хозяйствующих единиц в патриархально-феодальном обществе от семьи до родового племени. Также уделяется внимание биям, которые осуществляли управление феодально-патриархальным обществом, и описывается, как в первой половине XIX в. на севере Кыргызстана начал распространяться новый социальный термин “манап”, который постепенно вытеснил понятие бия, как вождя и руководителя родовым племенем.

Ключевые слова: история; Кыргызстан; бий; манап; род; племя; кровнородственная семья; патриархально-феодальные отношения.

ХІХ БЫЛЫМДЫН АЯГЫ – ХХ КЫЛЫМДЫН БАШЫНДАГЫ КЫРГЫЗДАРДЫН СОЦИАЛДЫК МАМИЛЕЛЕРИ

А.А. Асанканов

Бул макала XIX кылымдын аягы XX кылымдын башындагы кыргыздардын социалдык мамилелери маселесине арналган. Бул мезгилде кыргыздар көчмөн жана жарым көчмөн чарба менен алектенген, айрымдары жер иштеткен эл болгон. Россия империясынын курамына кирген мезгилде кыргыз коомчулугунда социалдык түзүмгө ээ патриархалдык-феодалдык мамилелер үстөмдүк кылган. Коом бир нече иерархиялык тепкичтерден турган, адат деген кадимки укук менен катуу көзөмөлдөнгөн. Бул макалада патриархалдык-феодалдык коомдогу чарбанын деңгээли үй-бүлөдөн тартып урууга чейин сүрөттөлөт. Ошондой эле феодалдык-патриархалдык коомдогу башкарууну ишке ашырган бийлерге өзгөчө көңүл бурулат жана XIX кылымдын биринчи жарымында Кыргызстандын түндүгүндө “манап” деген жаңы социалдык термин пайда болуп, ал бара-бара уруу башчысы – бий деген түшүнүктү сүрүп чыгаргандыгы сүрөттөлөт.

Түйүндүү сөздөр: тарых; Кыргызстан; бий; манап; уруу; каны бир үй-бүлө; патриархалдык-феодалдык мамилелер.

SOCIAL RELATIONS IN THE KYRGYZ PEOPLE AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

A.A. Asankanov

The article is devoted to the issues of social relations among the Kyrgyz people in the late XIX - early XX centuries. By this time, the Kyrgyz came as an ethnos engaged in nomadic and semi-nomadic farming, partly in agriculture. By the time of joining the Russian Empire, a patriarchal-feudal attitude dominated in the Kyrgyz society, having its own social structure. Society consisted of several hierarchical steps, which were strictly regulated by customary law - adat. The levels of economic units in a patriarchal-feudal society from family to tribal tribe are described. Attention is also paid to the biys which controlled the feudal-patriarchal society and is described as in the first half of the 19th century. In the north of Kyrgyzstan, the new social term “manap” began to spread, which gradually replaced the concept of bi, as a leader and leader of a clan tribe.

Keywords: history; Kyrgyzstan; biy; manap; clan; tribe; kinship; patriarchal-feudal relations.

К концу XIX и началу XX вв. кыргызы – этнос, занимающийся кочевым и полукочевым хозяйством, частично занимающийся земледелием. К моменту присоединения к Российской империи в кыргызском обществе господствовало патриархально-феодалное отношение, имеющее свою социальную структуру [1, с. 155–156]. Общество состояло из нескольких иерархических ступеней, которые строго регулировались обычным правом, адат, в устной основе.

Самой низкой и малой формой хозяйствующих единиц в патриархально-феодалном обществе являлась семья, состоящая, в среднем, от 5 до 20–25 человек. Дети состоятельных семей, позволяющие себе иметь 2–3 жены, от каждой имели, в среднем, 4–5 детей. Например, Эшимбек, манап, живший в конце XIX – начале XX в. в Джумгале, от трех жен имел 17 сыновей и дочерей и в общей сложности в семье насчитывался 21 человек. Семья имела свою микро-территорию – көктөө (весенне стойбище), джайлоо (летнее пастбище), күздөө (осеннее стойбище), кыштоо (зимнее стойбище). В весеннем стойбище проводили окот скота. Семья имела общую собственность и общий скот. Кочевали вместе, вели общую хозяйственную жизнь. Глава семьи – мужчина – имел непререкаемый авторитет.

Следующей формой хозяйствующих единиц и социальной группой являлись “дети одного отца” – члены семьи родных и двоюродных, даже троюродных братьев. Дети одного отца имели общую территорию для выпаса скота и содержания его зимой – осенью. Несколько семей, которые, в среднем, состояли из 7–8 семей, – бывало и больше, – “бир атанын балдары” – (буквальный перевод – “дети одного отца”) составляли основу хозяйственной и социальной ячейки общины. Хозяйственные, социальные и иные вопросы решали на Совете аксакалов “дети одного отца”. Размер величины членов “бир атанын балдары” был разным. В частности, Эшимбек манап со своими кровнородственными членами семьи бежал на территорию Китая в период национально-освободительного движения 1916 г., их насчитывалось ровно 100 чел. [2].

Несколько кровнородственных семей – “бир уруктагы үй-бүлөлөр” – формировали родовую айльную общину. Величина айльной общины зависела от количества семей, ведущих самостоятельное хозяйство, получивших от родителей – энчи – собственность в виде скота

и определенную территорию, где можно было пасти скот родителей [2]. Все важные проблемы в плане хозяйства, социальных отношений, войны и многого другого решались с другими айльными общинами на Совете аксакалов кровнородственных семей. У каждой кровнородственной семьи – хозяйствующего субъекта – было свое пастбище и зимнее стойбище, место, где проводили окот скота. Вместе кочевали в джайлоо и вместе спускались на равнину, где проводили весну и осень.

Несколько айльных общин (возможно одна, если она крупная, или трех-четырехайльная община) составляли родовое племя, величина которого также могла быть разной. Здесь не имелось каких-то закономерностей в плане количества членов родового племени. Все хозяйственные, военные и многочисленные социальные вопросы решались в Совете старейшин родового племени, которые представляли различные айльные общины. Родовое племя было динамичным, нередко какая-то его часть отделялась по разным хозяйственным, военным и социальным и иным причинам, самостоятельно уходила и вела хозяйство. В то же время, если члены какого-то чужого рода племени изъявляли желание присоединиться, то Совет старейшин, согласовав заранее все условия, также принимал. При этом, последние сохраняли свои родовые имена [1, с. 160–161].

Феодално-патриархальным обществом управляла его родовая знать – бии, в руках которых находилась политическая, экономическая, общественная власть и до XVIII в. всей жизнью кыргызского общества управляли они [1, с. 158]. В первой половине XIX в. на севере Кыргызстана начал распространяться новый социальный термин “манап”, который постепенно вытеснил понятие бия, как вождя и руководителя родовым племенем. На юге Кыргызстана крупных феодалов по-прежнему называли биями.

Бии имели неограниченную власть. Они не только были судьями, но решали все экономические, политические и общественные вопросы общества. Они безраздельно управляли своим родом и племенем и имели неограниченную власть в своем обществе. Манапами называли вначале всех лиц, принадлежавших к одному из подразделений в составе племени сарыбагыш, носившему наименование “манап” по имени своего родоначальника Манап, жившего в XVII в. Постепенно термин манап стал нарицательным для всех феодалов других подразделений и стал

применяться и по отношению к биям. Принципиальной разницы между биями и манапами не было [1, с. 158]. Бии и манапы возле себя держали джигитов, которые выполняли их указания. Количество джигитов зависело от состояния биев и манапов. Крупные бии и манапы, имеющие большое количество скота, держали много джигитов, средние и малые манапы соответственно меньше. Ибо манапы и бии службу джигитов оплачивали скотом.

Манапы, в свою очередь, делились на несколько категорий в зависимости от количества скота и юрт, которые относились к данному племени, занимаемой территории, авторитета того или иного манапа и пр. Например, кыргызы делили манапов на:

1) *чоң* или *ага манап* (старший манап), которому подчинялись не только роды и племена, но и более мелкие манапы;

2) *жынжырлуу манап* – наследственный манап;

3) *чала манап*, который подчинялся старшему манапу (второстепенный манап);

4) *чолок манап* (самый мелкий манап); букара манап (родственник манапа, который стоял, все же выше других людей, среди них совершенно разорившиеся и опустившиеся). Их называли *акалакчи манап* [1, с. 159; 3]. Например, манапы племени сарыбагыш Ормон хан, Джантай, манап племени бугу Боромбай, манап племени солто Тулеберди считались крупными манапами. Этим манапам подчинялись свыше 1000–1500 юрт, а у представителя племени солто Байтик Канаев имелось до 5000 юрт [4, с. 7], а в каждой юрте насчитывалось в среднем 7–8 человек. Этим манапам подчинялось не только население этих родов и племени, но и были случаи, когда им подчинялись и присоединялись к ним и члены чужих родов и племен [5, с. 256].

В условиях кочевой жизни и системной сезонной перекочевки племенная структура одновременно выполняла и военную функцию, т. е. она была и военной организацией. Все рядовые члены родов и племен, в особенности молодежь, были потенциальными воинами. В каждой юрте были пика, топор, сабля, айбалта и другое оружие, которым можно было отражать внезапное нападение врага. В условиях войны все члены рода, без исключения, выходили на его защиту или уходили воевать с внешним врагом, оставались дома только дети, женщины и люди старшего поколения.

В условиях динамичной кочевой жизни военачальники (баатыры) играли очень большую и ответственную роль в обществе. Они руководили защитой родов и племен в военных операциях, добыче скота, активно принимали участие в общественно-политической жизни общества. Например, среди кыргызов были известны такие баатыры, как Атаке баатыр, Садыр баатыр, Качыке баатыр, Жайыл баатыр и многие другие.

Среди высшего сословия были баи, которые не были биями, манапами, не имели политической власти, но имели большое количество скота – овец, лошадей, коров и верблюдов, а также имели большую территорию – пастбища, джайлоо, зимние стойбища. Соответственно, имели большой авторитет не только среди простого населения, но и среди биев и манапов. Баи также делились на различные категории, в зависимости от количества скота и территории. Крупные баи имели до 6–12 тыс. овец, до 1000–2000 лошадей, до 200 коров, средние баи имели почти в разы меньше, чем крупные баи, по всем видам скота. Мелкие баи имели 1000–1500 овец, 200–300 лошадей, 150–200 коров [3]. Безусловно, это было непостоянной величиной, могло быть больше или меньше. А в период джута – плохих погодных условий, бескормицы – крупные баи становились средними, средние – мелкими, а мелкие и вовсе оставались без скота.

Среди населения играли важную идеологическую роль небольшие группы людей служители ислама (молдо), которые обучали население азбуке и законам ислама. Одновременно они обслуживали населения при бракосочетаниях молодежи и проводах в последний путь усопших. Каждый манап имел при себе служителя ислама. Например, Эшимбек манап имел в своем роде молдо из Уфы, который обучал детей Корану и канонам шариата. Молдо постоянно жил вместе с семьей манапа, вместе с ними кочевал на джайлоо и спускался вниз на равнину.

Вместе с манапами и баями жил обслуживающий персонал, который следил за скотом: койчу – пасший овец. Чем больше овец было у состоятельных людей, тем больше было койчу, таких слуг было больше, чем других слуг, следивших за скотом. Вторыми по количеству были *жылкычы*, следившие за лошадьми. Последние среди слуг занимали особое место. Жылкычы были в основном молодые, крепкие и смекалистые мужчины, которые сидели хорошо на лошади.

Крупного рогатого скота у кыргызов было относительно мало, и, соответственно, людей, следивших за ними, уйчу, было меньше.

В системе слуг были также мужчины и женщины – малаи – прислуги, жалчы, обслуживающие по различным хозяйственным делам, дому и с детьми. У них не было скота, если был, то в очень малом количестве. Они могли быть из числа рядовых членов этого же рода, прибывшими из других родов и племен, в виде калыма – приданого, куна – уплаченные за кровь, байге – выставленные в качестве приза на различных скачках и тому подобными путями [3, с. 160]. Они могли быть и кулами – рабами, хотя рабов не было в обществе в большом количестве.

Основную массу кыргызов в традиционном обществе составляли владельцы сравнительно небольших стад – букара чарба – кочевники и небольшое число земледельцев. Они со своим скотом кочевали сезонно, в поисках лучшей травы вместе с состоятельными феодалами. На джайлоо и пастбищах они расселялись вокруг юрт состоятельных феодалов, служили последним в различных условиях, вместе с тем пасли свой скот.

Имелась категория населения – жатакчы, которые не кочуют, а живут в одном месте и занимаются обработкой земли. Их хозяевами являлись крупные владельцы пастбищ и земли. За обработку земли манапов и баев они получали скот, на что и существовали. Особенности и характерные черты семьи и связанные с ней традиции, обычаи, в конце XIX и начале XX вв. были зеркальным отражением кочевого и полукочевого хозяйства и патриархально-феодалных отношений кыргызов того времени. В конце XIX и начале XX вв. у кыргызов существовала, в основном, малая семья, вместе с тем сохранились и большие (неразделенные) семьи, в которых было общее хозяйство, общая собственность. И сыновья, и внуки со своими семьями жили вместе с родителями. Например, в патриархально-семейную общину у кыргызов входило три-четыре поколения, численность ее достигала 30–40 и более чел. [4, с. 60]. Правда, у каждой семьи была своя юрта, которая была расположена рядом с родителями и другими братьями. Главой семьи всегда был мужчина – отец сыновей и дочерей. Он единолично управлял всеми хозяйственными и социальными вопросами семьи. Он представлял себя в кровнородственной

хозяйственной и социальной группах и лично отвечал за семью, нес нагрузку за них в Совете.

Женщина играла роль помощницы и советчицы мужа и очень редко выступала против его решения. Она должна была уважать не только мужа, но его родственников и сестер. Жена обращалась к своему мужу не по его имени, а словом “байым” – “мой господин”. Би и манапы, баи, как правило, имели двух-трех жен. Старшая жена была самой уважаемой женщиной в семье. После смерти мужа или в период его отсутствия старшая жена оставалась главой семьи. Например, Курманжан датка в Алае (юг Кыргызстана) во второй половине XIX в. после смерти мужа Алымбек датки взяла на себя управление целым племенем – баргы, которые составляли основной костяк населения этой горной долины. Вступала в переговорные процессы с военачальниками Российской империи, которые руководили присоединением юга Кыргызстана. Она имела большой и непререкаемый авторитет не только среди населения Алая, но и среди русских чиновников и военных Российской империи, которые находились в это время в Оше и на юге Кыргызстана. Все это говорит о том, что кыргызские женщины из состоятельного сословия были относительно свободными и в известной степени старались быть помощницами и советницами своих мужей.

Младшие жены должны были выполнять не только все поручения мужа, но и старшей жены, а также и указание братьев мужа. Они беспрекословно выполняли их поручения, в разговор не вступали, молча соглашались и старались аккуратно исполнять порученные им дела. В состоятельных семьях отношения между мужем и женой строго соблюдались, по правилам адата. Женщины состоятельных людей не занимались хозяйственными делами мужчин. В среде рядовых членов общины все хозяйство по дому и воспитание детей легли на плечи женщин. А при отсутствии мужа они должны были выполнять и его функции. Женщины из этих семей активно принимали участие в хозяйственной жизни и помогали мужу и взрослым детям.

Женщины в обществе и семье вели себя свободно, особых ограничений по отношению к ним не было. Кыргызская пословица “Кыздын кырк чачы улуу” (буквальный перевод: “Сорок косичек девушки старше всех”) имела под собой реальное основание. Об этом много писали зарубежные путешественники и ученые. В частности, английский путешественник Ирла

Данмор, посетивший во второй половине XIX в. Памир, отмечал, что кыргызские мужчины хорошо обращаются со своими женщинами, по сравнению с другими мусульманскими народами. Кыргызки обладают относительной свободой действий и никогда не закрываются. Женщины имеют относительное равноправие с мужчинами [6, с. 158].

Гостеприимность, доброе отношение к гостям отмечали многие зарубежные ученые и путешественники. Они отмечали, как девочки и женщины выбегали из дома и юрты и предлагали различные съедобные сушеные, молочные и другие продукты. Безграничная гостеприимность и учтивость поражает и может привести в смущение даже более образованных людей, – говорил Ирла Данмор [6, с. 158]. Рождение ребенка было большим событием в жизни семьи, и семья не представлялась без детей. Поэтому среди кыргызов была такая пословица: “Балалуу үй базар, баласыз үй мазар” (“Семья с детьми базар, семья без детей кладбище” – буквальный перевод автора). Мальчики и девочки воспитывались в процессе ведения хозяйства, при перекочевках, общинной среде, а также при активном участии всех членов семейной общины.

Глава семьи был отец. Все хозяйственные, социальные и бытовые вопросы решал он. Дети, не говоря уже о внуках, беспрекословно должны были выполнять волю отца и его старших братьев. Сыновья женились, а дочери выходили замуж строго по указанию родителей. Каждому женатому сыну родители обязаны были выделить энчи – собственность в виде скота. Каждый женатый сын отделялся от своей семьи и жил рядом, в отдельной юрте около дома отца. Ибо их хозяйство было общим, вместе трудились и поровну делили между собой весь нажитый скот. Обычно самый младший сын оставался со своей семьей дома с родителями, у них была общая собственность и территория. Младший сын был обязан ухаживать и присматривать за родителями. Если вдруг один из женатых сыновей не слушался отца, то последний выгонял его из дома и семьи, разделив его энчи – собственность в виде скота. Это было равно “смерти” сына. Дети только в редких случаях самостоятельно принимали решения.

Уважение старших и выполнение их поручений или просьб со стороны детей или младших в семье и общине, при всяких условиях, были неписаным законом адата.

Когда встречаются мужчины и женщины, первые здороваются двумя руками или же левую руку прижимают к груди, сердцу, а правую руку подают для рукопожатия. Даже мужчины, не говоря о женщинах, не переходят дорогу старшим, не обгоняют их. Если идет старший, его всегда встречали стоя, первым подавали руки, не имели права прерывать старшего, если он говорит или к кому-нибудь обращается. Аксакал или самый старший всегда сидел на почетном месте (төр) в позе лотоса, напротив двери юрты. С правой и с левой стороны от него сидели по старшинству и по возрасту. Разговор всегда начинался со стороны старшего поколения. Младшие должны были сидеть молча и в разговор вступали, когда к ним обращалось старшее поколение. Такая же картина была характерна для айильной общины, родов и племен.

Пища подается только правой рукой, левая рука прижата к груди. Подающий наклоняется вниз. Мясо – жиликтер – строго распределялось среди гостей по степени важности и старшинству.

В конце трапезы хозяева дома или их дети просят “бата” – благословение, держа обе руки близко к лицу. Один из присутствующих, обычно представитель старшего поколения, должен пожелать хозяевам дома добра, богатства, здоровья, долгих лет жизни, мира, спокойствия в доме и т. д. Благословение не регламентируется, все зависит от богатства слов и фантазии человека, дающего его. Содержание благословения зависит от воли и ораторских способностей человека, берущего инициативу благословения. Или же хозяин дома сам может попросить кого-то из сидящих пожелать удачи.

Родственная связь была очень крепкой, в особенности, по мужской линии. Вместе решали все хозяйственные и социальные проблемы. Кочевали вместе по сезонам – летние и зимние и другие стойбища были общими. Если возникала какая-нибудь опасность различного характера, выходили и решали вместе. Особую роль играли братья матери – таякелери для ее сыновей. Поэтому у кыргызов существовала такая пословица: “Жигиттин үч журту бар – 1. Өзүнүн журту, 2. Кайын журту, 3. Таекелери” – “У джигита имеется три родины – 1. Своя; 2. Родственники жены; 3. Родственники матери” (перевод автора). Дети очень почтительно относились к близким родственникам матери. В свою очередь, последние также оказывали всяческую поддержку детям сестры.

Родители каждой семьи старались искать для своих сыновей невестку и мужей для дочерей, равных себе, из своего сословия, бии и манапы старались найти сватов из этой же категории населения, баи из числа баев, букара чарба из того же общества. Об этом говорят многочисленные исследования о браке и семье кыргызов традиционного общества [7, с. 284–322; 4; 1, с. 211–266; 5, с. 284–322]. Наши собственные исследования также подтверждают это. В частности, Эшимбек, манап из Кара-Кече (Джумгалская долина), своему младшему сыну Мамбеткулу сватал дочь Сандыбай бая, Жыпару, из соседнего аила Колмо (ныне аил Байзак). Почти все сыновья и дочери Эшимбек манапа создали семьи в своем же кругу и сословии [8]. Поэтому у кыргызов существовала такая пословица “Тен тени менен, тезек кабы менен” (буквальный перевод: “Ровня с ровным – мешок с кизяком”). Рядовые члены родов и племен-букара чарба также создавали семью из числа рядовых общинников. Часто их семью создавали манапы и баи, или семья создавалась по советам людей, которым служили рядовые общинники. Это было в порядке вещей.

Литература

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. / С.М. Абрамзон. Л., 1971. 480 с.
2. Собственные полевые материалы автора. 2015–2017 гг. с. Баш-Кууганды, Джумгалский район, Нарынская область.
3. По материалам к.и.н., ст.н. с. Института истории, археологии и этнологии им. акад. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики Р. Жолдошева. 2018–2019 гг. Бишкек.
4. *Джумагулов А.* Семья и брак у киргизов Чуйской долины / А. Джумагулов. Фрунзе, 1960. 96 с.
5. Кыргызы. Народы и культуры: серия / отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров. М.: Наука, 2016. 623 с.
6. *Турдалиева Ч.Дж.* Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). / Ч.Дж. Турдалиева. Бишкек, 2008. 270 с.
7. *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана / Н.А. Кисляков. Л., 1969. 241 с.
8. Полевой материал автора. № 2. С. Баш-Кууганды, Джумгалский район, Нарынская область, 2018–2019 гг.